

Ида Мартин

**ТОЛЬКО
НЕ ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ**

Москва
Издательство АСТ

На этом свете меня огорчает только одно —
то, что нужно становиться взрослым.

Антуан де Сент-Экзюпери

Глава 1

ТОНЯ

— Если так подумать, что ты теряешь? Тебе восемнадцать. — Облокотившись локтями о столик, Кац подался вперед, отчего создалось ощущение неприятного давления. — Зачем тебе «Место на кладбище»?

На вид ему было лет сорок пять. Небольшие залысины, крупный крючковатый нос и широкая картинная улыбка продавца. Однако надетый поверх темно-зеленой водолазки шерстяной коричневый пиджак выдавал в нем скорее представителя богемы, нежели торговца.

За огромным панорамным окном кафе стояла промозглая ноябрьская темень, а внутри было тепло и уютно, пахло горячим шоколадом и ванильной сдобой.

Мы с Амелиным сидели рядом, держась за руки под столом.

С момента нашей встречи Кац говорил почти не переставая, как любят делать люди, чувствующие превосходство возраста, и усиленно убеждал Костика отдать картину, которую подарил ему старый, выживший из ума художник Гаврилович.

Дело было еще весной, когда они с Тифоном и Артёмом лежали в больнице. Гаврилович страдал деменцией, и мужики, его соседи по палате, регулярно над ним издевались.

Пожалев деда, парни вступились за него, и мужики отстали. А спустя несколько месяцев внезапно объявился Кац, поверенный Гавриловича, и вручил всем по картине.

Картина Костика была черная и, хотя называлась неуютно: «Место на кладбище», по задумке Гавриловича означала покой.

Амелин клялся, что на ней изображена черная асфальтовая дорога, по которой мы с ним идем, взявшись за руки. Я же видела внутри картины его черные глаза. Это было странно, но мне действительно казалось, будто из ее непроглядной черноты он смотрит на меня своим долгим взглядом. Артём видел звездное небо, а Макс — собственную тень.

У Артёма была другая картина. Белая. Она называлась «Невеста», и Амелин всегда различал на ней крылья ангелов, а я разное: то белый облачный замок, то снег, то мохнатый овечий коврик из мансарды, то его обросшую челку. Ребята говорили, что у Тифона картина зеленая, но я ее не видела.

Картины обладали чудесным свойством: каждая якобы одаривала своего владельца тем, что заложил в нее автор. Таким образом, Амелину достался покой, Артёму — любовь, а Тифону — счастье.

И вот теперь Кац предлагал отдать ее какому-то таинственному коллекционеру просто так. Нет, он, конечно, наплел про исполнение желания, которое Амелин получит взамен, но поверить в подобную ерунду могла разве что Настя.

Подразумевалось, что если картину продать, то она не будет «работать», как надо. А исполнение желания нематериально и могло обмануть придуманную Гавриловичем «систему».

— Мне интересно. — Голос Амелина был полон простодушия. — А вы сами реально верите в то, о чем говорите?

— Если бы не верил, давно бы сменил работу, — откликнулся Кац со спокойной уверенностью.

— А мы? — Костик медленно развернулся ко мне. — Мы в это верим?

В отличие от него, охотно допускающего всякое мистическое и ненаучное, вроде реинкарнации или энергетического обмена, я в принципе в подобное не верила, а самому Кацу и подавно. Три-четыре месяца о нем ни сном ни духом, и тут — пожалуйста: самое выгодное предложение в жизни. Вчера позвонил, а сегодня мы уже сидим с ним в кафе.

— Сколько у нас есть времени подумать?

— Думать? — Кац сделал вид, что поражен: — Вы собираетесь думать? Мне обязательно нужно разобраться с этим до Нового года. Нет, ребят, поймите, вы же можете просить любое, и нематериальное тоже. За подобное люди душу отдают, не то что картину.

Амелин взглянул на него с нескрываемой иронией:

— Неужели душа все еще в цене?

— С учетом того, что сейчас — это большая редкость, ее стоимость со времен Фауста значительно возросла, — серьезно отозвался Кац. — Поэтому, если соберетесь продавать душу через Интернет, — не ведитесь. Это точно развод. Никто не покупает товар не убедившись в его наличии.

— Кто-то продает душу через Интернет? — удивилась я.

Он криво усмехнулся:

— Таких предложений полно. Но это все аферисты. Настоящие скупщики душ приходят к продавцу лично. Итак, что мне ответить своему клиенту?

— Скажите, что у меня нет желаний, — ответил Амелин.

— Зря вы так. Я не помню, чтобы мой клиент при его возможностях предлагал кому-нибудь подобное.

— Вот теперь мне стало любопытно. — Амелин подался вперед. — Кто он? Этот ваш клиент. Страшный маг и волшебник? Или, может, тот, кого нельзя называть?

— Знаете что? — вмешалась я. — Если вы считаете, что мы глупые просто потому, что нам мало лет, то вы ошибаетесь. Мы в эти ваши разводки не верим и картину не отдадим. Да, Костя?

— Если ты говоришь «не верим», значит, не верим, — добродушно согласился Амелин.

— Все ясно. — Недовольно поднявшись, Кац выложил на стол свою визитку: — Это на случай, если передумаете.

Мы провожали его взглядами до тех пор, пока расплывчатый силуэт за окном кафе не поглотила осенняя тьма.

Я прижалась щекой к плечу Амелина, одетого в черную плюшевую толстовку:

— Неужели он и вправду думал, что мы купимся на эти глупости?

— А почему бы и нет? Для некоторых надежда лучше покоя.

— Но он не предлагал обмен.

— Желание — это и есть надежда. Люди надеются, что оно исполнится.

— Ну хорошо, а если предположить, что такое возможно, что бы ты загадал? Стать знаменитым? Богатым? Влиятельным?

Костик с укоризной заглянул мне в лицо. У него были очень светлые, занавешивающие половину лица волосы и черный, проникающий до самого сердца взгляд:

— Мы сейчас точно обо мне говорим?

— Тогда что? Крылья? Способность быть невидимым? Или волшебную палочку?

— Уже теплее. — Он поднял голову к потолку, заду-мавшись.

— Ты бы попросил Капищено, да? — снова предположила я. — Чтобы жить там припеваючи и ни в чем не нуждаться.

— И чтобы всегда было лето.

— И чтобы лето. Интересно, а можно загадать такое желание? Хочу, чтобы всегда было лето, и — бац! — на всю жизнь: солнце, зелень, голубое небо. Даже в Новый год.

— Надоест.

Мои пальцы, машинально поглаживающие его руку, остановились на запястье:

— А может, ты бы хотел прожить свою жизнь заново и что-нибудь в ней изменить? Что-то исправить или предотвратить? Раз уж мы считаем, что это по-настоящему волшебное желание.

— Исправить хотел бы, а вот жить заново — точно нет, — не раздумывая ответил он. — Зачем? Мне никогда не было лучше, чем сейчас.

В забегаловке рядом с кафе мы купили печеную картошку с разными наполнителями: грибами, сыром, красной рыбой, курицей и зеленью.

Все это было горячим завернуто в фольгу и так ароматно пахло, что всю дорогу, пока ехали домой на метро, мы ловили на себе голодные взгляды пассажиров.

Амелин обожал картошку. Я теперь тоже.

Ребята, Артём и Макс, с которыми жил Костик, уехали на пару дней за город, предоставив нам редкую возможность побыть вдвоем не в общественном месте.

Квартира у них была большая, трехкомнатная, с хорошим ремонтом и очень чистая. Ни за что не скажешь, что в ней живут трое парней. Убирались, конечно же, не они, но то, что Артём за этим тщательно следил, впечатляло.

Ели в комнате, сидя на ковре, с тарелками на коленках, а на низеньком журнальном столике стоял ноут, на экране которого крутились музыкальные видеоклипы.

Мы смотрели их и прикалывались над певцами с самолюбленными искусственными лицами, над нелепой одеждой, глупыми текстами песен и пафосными сюжетами.

Это было весело и позволяло посоревноваться в сарказме не обижая друг друга.

Мне нравилось видеть, как Амелин смеется над пустяками, как по-мальчишечьи забавляется, весело шутит. Как

гримасничает и дразнит меня. Нравилось, что в последнее время он все реже погружался в себя и стал намного спокойнее. Его словно отпускало. И то, что он поселился здесь, определенно сыграло в этом не последнюю роль.

У нормальных людей близость начинается с нежностей — поцелуев или прикосновений — у нас же всегда все начиналось с потасовки: шутиливой дружеской возни или принципиального противостояния вроде драки подушками. Подобные баталии проходили бурно и длились до тех пор, пока пожар не разгорался до такой степени, что причина, по которой он начался, уже не имела значения.

Как правило, верх одерживал Костик, и мне приходилось подчиняться, но бывало так, что побеждала я, и тогда он охотно подыгрывал, изображая жертву: стонал, молил о пощаде и смешил меня в самые неподходящие моменты.

Телефон Амелина зазвонил, когда, уложив его лицом вниз и надавив коленом на позвоночник, я пыталась связать рукава толстовки у него за спиной.

— Выключи его, — попросил он.

Не поднимаясь, я с трудом дотянулась до дивана и, подцепив двумя пальцами, выудила трубку.

— Мила, — прочитала вслух. — Вы общаетесь?

— Нет, — сдавленно выдохнул он под моей тяжестью.

— Тогда зачем она звонит?

— Откуда мне знать? Я же не отвечаю ей, глупенькая.

— Вот и не отвечай. — Отшвырнув телефон обратно на диван, я уселась ему на спину. — И где же она сейчас живет?

— В Подмоскowie где-то.

Мила была его матерью, но формально ее лишили родительских прав незадолго до его совершеннолетия. Так что большую часть жизни Костик прожил с ней и натерпелся всякого. Нет, она сама и пальцем его не тронула, но регулярно приводила в дом злобных, отвратительных мужиков

с садистскими наклонностями. Всех подробностей я не знала, Амелин отказывался об этом рассказывать, но его спина, покрытая шрамами от побоев и жутким ожогом, говорила сама за себя.

Прошлым летом у него умерла бабушка, оставив ему квартиру и дом в деревне. Мила с этим никак не могла смириться и давила Костику на совесть до тех пор, пока он не переписал на нее дом, который она сразу же выставила на продажу. Квартиру же пришлось сдавать.

Я ничего не слышала о Миле с лета, а объявлялась она, только когда ей что-то было от него нужно.

— Ты же не думаешь, что она просто соскучилась?

— Не думаю.

— Хорошо.

— Тоня, — он нетерпеливо подергал плечами. — Ты будешь мучить меня дальше?

— Я тебя не мучила!

— А что же ты делала?

— Пыталась объяснить, что твоя шутка про женскую логику несмешная.

— Тогда почему ты смеялась?

— Потому что ты мной манипулируешь. Это, кстати, тоже тебе нужно объяснить.

Однако настроения продолжать игру больше не было.

Освободив Амелина, я переползла к дивану и привалилась к нему спиной.

— Перезвонишь ей?

— Не собирался. — Он повернулся на бок и, подперев голову рукой, уставился на меня: — А надо?

— Тебе стоит сменить симку.

— Зачем? В звонках из прошлого нет ничего опасного. Они безобидные как тени. А тени означают, что там, где ты, есть свет.

— Для меня, Амелин, твои тени чернее этой самой картины, — я кивнула на стоявшее на комод «Место на

кладбище» и задумалась: — Почему все-таки Гаврилович для обозначения покоя выбрал именно черный цвет?

— А ты знаешь, что черный — это не цвет? — Костик сел по-турецки. — Ну, то есть это ученые так считают. Ведь его нет в цветовом спектре. И когда мы видим черный, это означает, что мы просто ничего не видим.

— Значит, я сейчас не вижу ни эту картину, ни твою кофту, ни твоих глаз?

— Ты видишь отсутствие их цвета.

— В этом есть какой-то особый философский смысл? Потому что если он есть, то я его не понимаю.

— Наверное, есть. — Амелин пожал плечами. — Я специально не думал.

— Подумай, — назидательно сказала я. — А потом смени симку.

— Вот именно это и называют женской логикой. — Он кинул в меня скатанный из фольги шарик. — С нетерпением жду твоих разъяснений.

Его широкая улыбка сияла. Резко подскочив, я бросилась на него. Но он, тут же обхватив меня, перевернул на лопатки и прошептал прямо в лицо:

— Смысл покоя в отсутствии чувств.

Глава 2

НИКИТА

К восемнадцати с половиной годам моим главным открытием стало то, что самое удивительное и непредсказуемое в жизни — это сама жизнь.

Сегодня дела идут хуже некуда, ты подавлен, запутан, разбит. Тебя никто не понимает, ты зол и разочарован. Одиночество кажется бесконечным, а в ближайших планах муть и непроглядная тьма.

Но на следующий день вдруг просыпаешься и неожиданно понимаешь, что все хорошо. Даже очень хорошо, о чем ни подумай. И родители, хоть не идеальные, но вполне терпимые. И друзья пусть с тараканами, но все же надежные, и с учебой не то чтобы сильный напряг, и крыша над головой есть, и еда. А если в ближайшие четыре года не вылетать из универа, можно вообще особо ни о чем не запариваться.

— Ну, хорош, слов нет. Прямо Аполлон Бельведерский. Юный Аллен Делон. Патиссон — не иначе.

Бабушка, как всегда, тихонько подкралась и, оставившись в дверях кухни, критически наблюдала, как перед большим зеркалом в коридоре я выбираю, что надеть.

— Какой еще патиссон? — Я метнулся в свою комнату.

— Ну, актер такой модный из Голливуда. Думаешь, я отсталая?

Бабушка настырно отправилась за мной:

— Надевай рубашку. Девочки любят аккуратных мальчиков. Ты же с девочками идешь?

— Угу. — Я сделал вид, что полез в шкаф.

— А с какими девочками? Из твоего института? Или с Настей?

Про Настю я не говорил ей ни слова. Зато мой сводный брат Дятел успел наболтать с три короба.

— Угу.

— Что «угу»? — Она принялась машинально хватать вещи со стула и складывать их стопочкой. — Прихорашиваешься, как будто с Зойкой Мироновой на свидание собираешься.

В ее словах звучала провокация, но я пропустил это мимо ушей.

— Во сколько вернешься?

— Не знаю.

— Ты же понимаешь, что из-за тебя мы не спим?

Теперь, когда я с полным правом мог находиться вне дома после двадцати двух ноль-ноль, бабушка пыталась давить на совесть.

— Постараюсь непоздно.

— Ты в прошлый раз так говорил, а заявился в итоге в два.

— Я опоздал на метро.

— Поражаюсь твоему легкомыслию! У нас такой неприятный район, столько приезжих и опасных компаний...

— Ты сама говорила, что опасная компания — это все мои друзья.

— Ой, да, а как там Андрей Трифонов? — тут же переключилась она. — Служит?

— Служит.

— Очень хорошо. Таким, как он, полезно послужить.

Бабушка считала моего лучшего друга Тифона агрессивным и неуправляемым.

Это был общепринятый школьный ярлык, который к реальности имел весьма отдаленное отношение. Да, как-то раз Тифон заставил Малыгина у всех на глазах жрать мел, но это произошло потому, что тот гнобил и унижал пятиклашек.

Да, Тифон побил четверых «мальчиков» из приборостроительного колледжа, чьими справками из травмпункта директриса размахивала на родительском собрании. А то, что этим «мальчикам» было по двадцать лет и они, пьяные, писали в песочницу на детской площадке, никого не волновало.

Да, Тиф подрался с охранником из ТЦ, который лапал девочек под предлогом того, что заподозрил их в краже.

Много чего было, но всегда по делу.

— И где же он служит? В Москве? — Бабушка вопросительно прищурилась.

Она лучше меня знала подробности жизни Тифона, потому что была в курсе всех главных районных сплетен, а

события, происходящие в его семье, вполне тянули на неплохой мелодраматичный сериал с раскрытием тайн отцовства и историей многолетней любви между тетей Таней, матерью Тифона, и папашей Ярика Ярова, еще одного нашего одноклассника, с которым у Трифонова и без того были непростые отношения.

Всплыла эта история совсем недавно, и теперь ее обсуждали все кому не лень.

— В Подмосковье.

— Ну понятно... То он все нос от отца воротил, а как пристроиться понадобилось — сразу присмирел.

— Конечно воротил! — возмутился я. — Девятнадцать лет прошло после того, как Юрий Романович бросил его мать, а теперь внезапно возник и влез в их жизнь. Тиф не хотел, чтобы так получилось. Юрий Романович сам его вынудил.

— Да-да, конечно. — Бабушка делано покивала. — Пытками заставил.

Она цеплялась нарочно, со скуки, поэтому, собравшись за две минуты, я поскорее вылетел из квартиры, пока не успел ей нагрубить.

На самом деле насчет Зои бабушка не ошиблась. Я шел встречаться не только с Настей.

Перед тем как уйти в армию, Тифон взял с нас с Лёхой слово, что мы не дадим Зое скучать. Будем везде водить и веселить, чтобы ей вдруг снова не пришло в голову, что она устала от однообразия и предсказуемости. И данное обещание мы добросовестно выполняли. Иногда, если наше учебное расписание совпадало, ходили вдвоем гулять по району, но гораздо чаще развлекали Зою порознь. Лёха — вытаскивая на вечеринки, а я в основном звал в кино.

В этот раз мы должны были встретиться с ней на нашей станции в метро, а с Настей пересечься в центре, потому что она ехала с мамой из гостей.